

«Настоящую революцию я в натуре лично с оружием в руках проводил»*

Исповедь сотника Рогожкина

А.В. Ганин

Красный и белый лагеря Гражданской войны не являлись зафиксированными по своему составу — во все периоды помимо костяка в них оказывались многочисленные временные попутчики. Немало было и тех, кто метался между сторонами, не зная, к кому примкнуть. В полной мере это относилось и к офицерству. Типичные для того времени искания казачьего офицера нашли яркое художественное воплощение в образе Григория Мелехова из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Документов, отразивших аналогичные перипетии, сравнительно немного. Тем выше ценность каждого такого свидетельства.

Вниманию читателей предлагается интереснейший документ эпохи — воспоминания оренбургского казачьего офицера, выходца из нижних чинов И.Е. Рогожкина о Гражданской войне. Автор воспоминаний — Иван Евдокимович Рогожкин — казак станицы Бердской (по другим данным, Никольской) 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска.

О Рогожкине известно немного. Он участвовал в Первой мировой войне, служил в 14-м Оренбургском казачьем полку, в партизанском отряде Сводной казачьей дивизии, 25 августа 1916 г. был эвакуирован и зачислен во 2-ю Оренбургскую казачью запасную сотню, а затем вернулся в полк. На 1917 г. числился в 14-й особой Оренбургской казачьей сотне. За отличия был произведён 2 января 1915 г. в старшие урядники, а затем и в прапорщики (с того же числа), с 1916 г. — хорунжий, по состоянию на 1918 г. — сотник (со старшинством с 4 сентября

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта №14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

1915 г.)¹. За боевые отличия в годы Первой мировой Рогожкин был награжден орденами св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, св. Станислава 2-й ст. с мечами². Офицер отличался храбростью и решительностью. Так, в ночь с 25 на 26 января 1916 г. он руководил разведкой группы охотников западнее фольварка Анатовка. Тогда разведчики обнаружили партию противника силой не менее 50 человек, подпустили её на 15 шагов, забросали гранатами, а затем атаковали, ранив 12, убив 3 и пленив 1 человека, остальные солдаты противника бежали³.

В Гражданскую войну офицер командовал 1-й сотней 25-го Оренбургского казачьего полка в войсках А.И. Дутова. Но у белых служба Рогожкина не задалась. Он неоднократно предавался военно-полевому суду. Наконец, 19 января 1919 г. Рогожкин бежал к красным, захватив пропуска и секретную переписку командира полка. Эпизод появления Рогожкина в штабе красных нашёл отражение в опубликованных воспоминаниях одного из советских работников: «В 6 часов утра, когда мы пили чай, вошёл незнакомый человек в военном плаще. Отвесив общий поклон, «по-офицерски» громко и отчётливо произнес: «Позвольте представиться, я командир 3-й⁴ сотни 25-го казачьего полка сотник Рогожкин».

В его записной книжке мы нашли копию письма, которое он оставил своей сотне.

Вот оно:

«Станичники, простите, я сделал по чистой совести всё, что мог. Сего 19 января в 6 часов утра покидаю вас и перехожу на сторону Красной армии и буду защищать интересы вас, трудящихся».

Сотник поступил в один из наших полков и сразу послал письмо своей сотне, предлагая ей целиком перейти к нам⁵.

¹ Ганин А.В., Семёнов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891-1945. Биографический справочник. М., 2007. С. 484.

² Приказ армии и флоту от 23 марта 1917 года.

³ Ганин А.В., Семёнов В.Г. Указ. соч. С. 117.

⁴ Правильно — 1-й.

⁵ Годовщина первой революционной армии. М., 1920. С. 100.

Поступив на службу в Красную армию, Рогожкин стал командиром конной разведки 212-го Московского полка 24-й Симбирской Железной дивизии (почётным красноармейцем этого же полка с 27 февраля 1922 г. стал числиться В.И. Ленин) и участвовал в боях со своими недавними сослуживцами. Через линию фронта Рогожкин отправил письмо своей сотне с призывом в полном составе переходить к красным. Впоследствии, возможно, с целью выслужиться перед большевиками, Рогожкин заявлял о своей попытке убить атамана Дутова, которую он не осуществил якобы из-за того, что рядом были дети⁶. Дальнейшая судьба офицера неизвестна.

В своих кратких воспоминаниях Рогожкин, простой, полуграмотный человек, бесхитростно изложил свои переживания на фоне исторических событий. Воспоминания отражают взгляд младшего офицерского состава на происходившие события и представляют описание переживаний человека, метавшегося между белыми и красными.

Рогожкин описывает удивительные в своей противоречивости реалии Гражданской войны. К примеру, как казаки с офицером обсуждают, стоит ли всем переходить к красным. Мнения разделяются. Офицер решает перейти к красным, а казаки — остаться у белых. Происходит сцена прощания, целуются. Офицер уезжает, казаки имитируют стрельбу, чтобы их не подвергли преследованиям и возвращаются к белым.

Другой эпизод. В занятую красными станицу вступает казачий полк. Красных мало, силы неравны. Комиссар пугается конницы противника, однако тут же выясняется, что казаки едут сдаваться. Пленный белый штаб-офицер убегает через забор. Красноармейцы обнаруживают брошенные им письма к невесте, обещают их передать по адресу.

Эпизод третий. Целая станица встречает красных колокольным звоном и хлебом-солью, те не знают, как реагировать, тем более, что среди красноармейцев есть поляки и венгры, а русские — атеисты. По совету Рогожкина как знатока казачьего быта все снимают шапки и принимают подношение. Гражданская война в мемуарах Рогожкина предстаёт абсо-

⁶ РГВА. Ф. 39514. Оп. 1. Д. 1. Л. 277; ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 2об., 7-8об., 10.

лютно живой, реальной, в том числе сквозь призму таких парадоксальных и поразительных ситуаций.

Установить точное время написания воспоминаний не удалось. По всей видимости, речь идёт о 1920-х гг. Воспоминания выявлены нами в коллекции Историко-партийного отдела Оренбургского губкома ВКП(б) из собрания Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО). Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей (прежде всего, характерного написания мемуаристом отдельных слов).

Вступительная статья, публикация и примечания
А.В. Ганина

Документ 1

И. Рогожкин

Гражданская война на дутовском фронте за октябрь–декабрь 1918 г.

Гражданская война на самарском фронте за октябрь, ноябрь, декабрь 1918 года

Из воспоминания командира 1 сотни 25 Оренб[ургского] каз[ачьего] пол[ка] И. Рогожкина

1918 год в последних числах сентября состоялся приказ Дутова⁷ казаков Бердской станицы снять с охраны железной Ташкентс[кой] дороги и сформировать из них сотню и отправить на Самарский фронт в 25 Оренб[ургский] каз[ачий] полк. Меня вызвал на квартиру в станице Бердской есаул Баев Александр⁸ и сообщил, что казаки собраны, завтра отправка их на самарский фронт, и я назначен командующим сотни, младш[ий] офицер Черёмухин Ив. И подал мне приказ, в ко-

⁷ Подробнее об атамане А.И. Дутове см.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006; Новые материалы об атамане А.И. Дутове / Публ. А.В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов. / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015. С. 100–219.

⁸ Баев Александр Александрович (16.08.1878–?). Подробнее см.: Ганин А.В., Семёнов В.Г. Указ. соч. С. 101–102.

тором сказано: порядок передачи сотни при торжественной обстановке. Завтра день воскресный, вы должны явиться в церковь в парадной форме, по окончании обедни состоится напу[т]ственный молебен и тут же сдача и принятие сотни, казакам к окончанию обедни приказано построиться напротив церкви в конный строй, я стал есаула Баева просить, не будет ли возможным командиром назначить Черёмухина прапорщика, но он ответил, что нельзя распоряжением свыше. Я сообщил ему, вам известно, что подсудный и, Вместе с тем не разделяю религиозные убеждения, при всех желаниях исполнить приказ идти в церковь я не могу, Баев Есаул ещё ранее спас меня от большой неприятности, со мной был очень мил, сказал мне: То, что Вы мне сказали, если узнает Дутов, вас постигнет та же участь, что произошла с 13 большевиками от партизанского отряда на задах дома Козлова Еф. (бывшего штаба Пугачёва), я, видя, что выходу нет, расписался в извещении и ушёл. Немедленно вызвал прапорщика Черёмухина и отдал ему приказание, чтобы он был завтра в церкви вместо меня и принял сотню после молебна и отдал приказание сотне, чтобы собраться к 2 час. дня на площади для отправки на фронт, и к этому времени я окончу неотложные дела [и] буду там же, вышло все по-хорошему в 2 часа я выехал на площадь, сотня была уже готова, я поздоровался, поздравил с походом и дал им слово постараться привести их домой на эту площадь целыми и невредимыми.

Нашлись старики недовольные, которые сказали: от этого командира ждать хорошего нечего — в церкви божьей не был, да и на молебне не присутствовал. Посадку производили сотни на №18 разъезд[е], куда прибыли провожать и родные казаков, а также были старики без определённой цели, видимо, только посудачить. На 18 разъезд прибыл полковник Белов, каковой до сего времени здравствует. Собрал кучу стариков, которые ему поясняют, что командир в церкви не был, напутственное слово сказал неладно, я, проходя мимо их, Белов как нарочно говорит: не нужно их было отправлять на фронт, а на площади из пулемёта перестрелять это было бы лучше, что заставило говорить такие слова полковника Белова, не знаю, но думаю, что старики наговорили ему какую-нибудь глупость про меня и про казаков. Вот с таким благо-

словением пошли воевать с большевиками Бердяши. Напомню, этот полковник Белов со спокойной душой подхлестывать других, а сам занялся важной работой пустые вагоны спусывать. По приезде на самарский фронт около села Барабановка сгрузился и явился к начальнику группы генералу Корноухову⁹, который назначил меня командир[ом] 1 сотни, состоящей исключительно из казаков Бердской станицы и зачислил в 25 Орен[бургский] каз[ачий] полк.

В полку я с первого разу заметил порядки плохие, причитающиеся жалованье и суточные на довольствие 2 месяца не выдавали. Обмундирование то же, казаки большинство обтрёпаны, довольствие себе и лошадям доставали способом реквизиции и неумеренно, где кто сколько ухватит, вооружение: за исключением моей 1[-й] сотни весь полк вооружён винтовками системы Гра и в большинстве неисправными.

Командир 25 Оренб[ургского] полка был Тургенев¹⁰ полковник — форменный алкоголик, да и недалёкого видимо ума, он мне заметил, что я в колесницу сотни вставляю палки, и лучше было бы, если [бы] меня в полку не было, по вывеске был очень представительный¹¹, в полку мародёрство считалось геройством, казаки привыкли каждый день менять лошадей, отымая у крестьян и некоторые отсылали домой всё, что попадётся под руку, крестьяне ранее считали своими казаков, а потом стали ими тяготиться и стали сочувствовать красным и с нетерпением ждали прихода красных, за период моего служения у белых 3^х месяц[ев:] октябрь, ноябрь, декабрь 1918 год[а] особенного отметить нечего, за исключением полного хаоса. Война с большевиками [среди] фронтовиков-казаков была, в целом, непопулярна, если они там и участвовали, то только принудительно — мобилизованы Дутовым после занятия города Оренбурга, проведена сильная реакция казаков, расстреливали чуть ли не в каждом поселке, страх нагнан был ужасный, никто не мог заикнуться, что воевать не будет с боль-

⁹ Карнаухов (Корнаухов) Николай Петрович (25.11.1881 — не ранее 1925). Подробнее см.: Ганин А.В., Семёнов В.Г. Указ. соч. С. 261–262.

¹⁰ Тургенев Василий Николаевич (12.12.1866–?). Подробнее см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Указ. соч. С. 566.

¹¹ Далее зачёркнуто: «Я с ним с первых дней не сошёлся».

шевиками; мобилизация объявлена как раз в покос, все побросали станы, займку, работы, косы и косилки и скотину, скакали наперегонку являться в свои станицы, но многие по приезде тут же расстреливались, я за время трёх месяцев на фронте два раза предавался полемому суду. Причина была ранее описана. Был в наступлении несколько раз и всегда наступление по тем или другим обстоятельствам не состоялось, в большинстве из-за того, что ночью теряли направление на заранее выработанную диспозицию, позже стали заранее брать (язык) проводников из местных жителей, которые тоже всегда сбивались. Я замечал, что это искусственно и очень этому радовался, особенно довольны казаки были, что наступление не состоялось. Тургенева, ком[андира] 25 Оренб[ургского] полк[а], сменил войсковой старшина Иванов П.¹², человек трезвый и очень гуманный, но в военном деле был бездарный до бесконечности, он готов в трёх осинках целый день плутать, несколько ему раз отдавали приказ наступать, но ни одно наступление не сделал. Он меня просил, чтобы я помог, но я, как старый его сослуживец по Германской войне был с ним более, чем откровенен, всегда отказывался, говорил, что это меня не устраивает, Иванова сменили, назначили ещё чуднее полковника Калачёва, это был человек совсем глупый и ни к чему не способный, после его назначили из гражданского ведомства, видимо, юрист, ранее был в гор. Варшаве управляющ[им] княжеских имений, человек, видимо, ума, но не военный, хотя числился есаулом, сделать он с полком ничего не мог, потому что только где чуть красные появятся, достаточно несколько выстрелов, казаки делают панику. Офицеры, видимо, немало были моего взгляда, а особенно командир 3^й сотни 25 пол[ка]. На Рождество я получил отпуск на 6 дней. Сотней вместо меня командовал штаб[с]-капитан Красильц и корнет Кувшинов, казаки мои их никак не слушали, а ночью даже боялись их командиры, если ночью куда поехали казаки, над ними всюду издевались, выкрикивали по ихому¹³ адресу матерные слова, освистывали, передразнивали их фамилии.

¹² Иванов Петр. Подробнее см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Указ. соч. С. 240.

¹³ Так в документе.

Как назло, сотня прикрывала казачью батарею, а ком[андир] Московского полка т. Гурский сделал набег, забрал три орудия, казач[ки] разбежались, за это в сотне началось следствие об измене и неисполнении приказаний. Я на Рождество готовил воззвание в четырёх экземплярах для казаков, где описывал всю революцию и её последствия. Учил, как вести агитацию в частях и как должны переходить к красным, кого должны больше всего опасаться, а также просил трудящих[ся] офицеров не запугиваться¹⁴ сдаваться красным, Дутов на Рождество справлял пиры, был у нас на ёлке в школе в пос. Бердском, меня не приглашали старые заправилы, я приходил незванный под окно со двора школы и слушал декламацию детей, имея при себе две большие бомбы и заряжен[ный] револьвер¹⁵, велико желание было в упор разрядить револьвер в Дутова и его присных, но жалость к детям взяла верх. Дутов остался цел, мне вся обстановка благоприятствовала для безопасного выполнения. Конвой был большинство снаружи у парадных и внутри помещ[ения], а со двора стояли только кони конвоя, я казака заранее расспросил, какая лошадь лучше и сильнее всех бегаёт, мне казак показал, я полюбовался, подтянул подпруги, приготовил повод на лёгкий узел, осмотрел ворота, подошёл опять к окну. Дутов стоит от меня в двух шагах, несколько раз намеревался разрядить в Дутова [револьвер], но радостные лица детей и радостный лепет стишков детских голосков спас его и многих других. Я больной ушёл от окна домой, на Рождество прибыли ко мне с визитом два попа, вновь назначенный и неизвестный мне священник Аполлонов¹⁶ и другой священник, псаломщик Иван Кондрашёв, с последним у меня на квартире вышел наружу секрет, случайно стоящий жизни, 1918 г., в последних числах сентяб[ря], пред отъездом моим на Самарский фронт псаломщик был у меня в дому и при прощании сказал мне — дай Бог, вам победы над большевиками, я посмотрел на него и сказал, ведь я лично скорее красный командир, чем белый и победы как раз желал бы на стороне красных, которым я сочувствовал и буду слу-

¹⁴ Так в документе.

¹⁵ Т.е. револьвер. Здесь и далее так в документе.

¹⁶ Здесь и далее в документе — Апалонов.

жить им на пользу, псаломщик этих слов так напугался, что несколько время не мог говорить, побелел до неузнаваемости, с дрожью в голосе произнёс — Бог с вами, оставайтесь при своих убеждениях, я противодействовать с вами не в силах. Я подал ему руку и сказал ему — предупреждаю вас, если вы неосторожно проговоритесь или заявите властям, меня сейчас же арестуют и расстреляют. Но вы в день моего ареста будете убиты, и на этом расстались. При входе с попами на Рождество псаломщика Кондрашёва в избу я увидел его лицо то же, что было три месяца назад, исправив рождественскую требу, попы со мной поздоровались, я прошу присесть и предложил по рюмке спирту, ранее не знакомый мне священник Аполлонов с первых слов перешёл об войне. Я, говорит, очень обрадовался, когда узнал, что приехал командир сотни с фронта и поэтому поторопился к вам, расскажите про наших доблестных воинов и скоро ли мы эту сволочь уничтожим. Я всяко смягчал разговор о фронте, но священник настойчиво спрашива[е]т моего мнения, когда перебьём их, я, с трудом сдерживая себя, сказал, если верить нашей печати и разным сообщениям, то будто скоро кончится, а если верить красным газетам, то там комиссар Троцкий сообщает, что годика три или более повоюем, Аполлонов, видимо, был немного на взводе, схватил крест, как стукнет им по столу, что все перепугались и говорит — я закладываю свою голову, что всю эту сволочь перебьём за продолжение шести месяцев, к несчастью за столом сидела моя тётушка из главных мастерских Зонова. У ней сын на Ташкентском фронте в красных Матвей Губернский, и она не стерпела, заплакала и говорит — мы молимся Богу, чтобы Господь смирил их сердца враждующих, а батюшка говорит вон что, Аполлонов священник обернулся к ней и говорит, что миру быть не может, мы или они должны одни царствовать, мы или они все должны погибнуть, тётушка со слезами спрашивает Аполлонова, кто же это они. Аполлон[ов] отвечает — вся эта рабочая сволочь, тётушка стала сильно плакать и упрекать священни[ка], другой поп и псаломщик стоят в изумлении, а Аполлон[ов] сильно нервничает. Положение моё было хуже, чем в самых тяжёлых местах на фронте, я нашёлся, вынул 25 рублей и отдал Аполлон[ов]у, поклонился, они ушли, успокоив тётушку, я слёг в постель, а

на другой день ещё больше болел, что не разрядил револьвер в Дутова, праздник провёл скверно, кроме попов никого не принимал и ни к кому не ходил. Держал револьвер наготове все время, думал, что псаломщик выдаст, одно было утешение закончить воззвание и покончить Самарский фронт. Звал жену на фронт, чтобы проводить через фронт к красным, она не согласилась, а сам хотел сговориться с т. Гурским и ликвидировать фронт на станции Новосергиевка, но по случаю налаженной сильной агентуры Дутова с штаб[ом] Крас[ной] арм[ии] осведомлённость была полная. Я ехать к тов. Гурскому раздумал и ждал случая, когда дутовский самарский фронт ликвидировался, Аполлон[ов] ушёл с белыми, видимо, жил не так далеко, жена его спросила меня, если муж мой придёт, вы его отправите в чрезвыч[айку] или нет за то, что он говорил на Рождество у вас на квартире, я дал ей слово, если он здесь не будет делать пакости, то его, думаю, никто не тронет, Аполлон[ов] вскоре приехал, через полгода вызывают меня в ревтрибунал, Оренб[ургский] губ[ернский] суд по делу Аполлонова, наверное тётюшка возобновила дело или наши из ячейки, но на суд её не вызывали. На суду была вся тройка — два попа и псаломщик, судья спросил меня — вы из белых офицеров, я ответил да, были ли у вас на Рождество священ[ник] Аполлонов и псаломщик Кондрашёв, я ответил были, что говорил Аполлонов, спрашивал, когда война кончится, я ответил, что если Троцкому верить, то года три провоюем, Аполлон[ов] вышел из себя и постучал по столу крестом и сказал, что за шесть месяцев всю сволочь поколотим, судья спрашивает, ещё как ругал священ[ник] Аполлонов, я попросил, чтобы сам Аполлонов рассказал, я сказал, что не помню как ругал, но знаю, что поносил грубо, спросили другого попа и псаломщика, было ли так, они подтвердили. Судья стал спрашивать, Аполлонов, что говорил на квартире Рогожкина, он сказал хорошо не помню, но знаю, что порицал красных, иначе я вести себя не мог, потому что был в доме белого офицера. Когда я порицал красных, то Рогожкин дал мне за это 25 руб. и мы ушли. Аполлонов на суде себя показал, что он сам чуть не коммунист, мешает только ряса, что только не говорил, называл себя левым меньшев[иком], а сын мой служит партизаном в Красной армии, очень много врал Аполлонов, но все

выходило у него красиво и в доказательство представил рекомендательное письмо из Ц.И.К. от доктора Ружейникова.

Судья спросил меня, давали ли Аполлонову 25 руб. за то, что очень сильно порицал красных, я сказал, чтобы избавиться скорей от такой неприятности в доме давал, Аполлонов и другой поп и сейчас здравствуют, Аполлонов приехал домой и говорил при народе, не хотел, чтобы Рогожкин засадил. Не только для оправдания нужна наука, требуется ещё и нахальность и ложь, я думаю, при перевороте Аполлонов сотни невинных обвинит и расстреляет.

Иван Евдоким. Рогожкин

ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–4об.
Рукопись. Д. 213. Л. 80–83об. Машинопись.

Документ 2

Рогожкин И.

1919 год. Разложение самарского дутовского фронта.

1919 год¹⁷

Разложение самарского дутовского фронта

25^а Оренб[ургский] казачий полк на станции Новосергиевской самовольно отошёл на несколько вёрст в тыл, военное командование немедленно донесло Дутову, атаману оренб[ургского] казачества. Дутов не замедлил издать сногшибательный приказ отозвать 25 Оренб[ургский] каз[ачий] полк в тыл, в станицу Донецкую, где приготовленные 1000 достойных стариков-станичников из разных посёлков, преданных казачеству (то есть дутовцы), изменников, 25 казачий полк, обезоружить и отобрать коней, вооружение и снаряжение и передать достойным старикам-станичникам, виновников немедленно отправить в Оренбург; район Донецкой станицы на бумаге у Дутова считался укреплённым районом, и в печати часто упоминалось для успокоения умов, как будто неприступная крепость, горожане Оренбурга, а особенно старики-ста-

¹⁷ В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

ничники свято верили, что укрепленный район большевики не перешагнут. На сходах старики выносили постановления в верности атаману Дутову с лозунгами смерть большевикам, только через трупы наши большевики займут гор. Оренб[ург], а на деле было совершенно иначе: укрепленный район ничем от другой местности не отличался, за исключением, разве, проволочного заграждения, занесенного снегом, а фронтовики на Самарском фронте все лозунги своих отцов осмеивали и в обыденный порядок вошло критиковать газетные выдержки о верности Дутову, о непобедимости, до полной победы воевать с большевиками, а самое частое выкрикивали «Ура» Дутову, через трупы только большевики взойдут в гор[од] Оренб[ург], смешных лозунгов фронт родил ежедневно, казаки ими только и жили, о победе или о задержке большевиков никто и не думал, иначе думал, иначе жил фронт с тылом. Не брезговали казаки делать кой-какие проказы, как-то отобрать у мужика лошадь, снять полшубок, валенки, а также обыденно отбирали продуктовый скот, продукты и фураж. Не говоря про офицеров, даже казаки имели двух коней. Отцы-командиры потворствовали мародёрству, это их устраивало, они писали счётики не существующих покупок на довольствие людей и лошадей, а денежки по карманам, казакам многим такие поступки не нравились, но было как-то введено в порядке вещей, население страшно негодовало, как ни боялись красных, но часто можно слышать — так обижать не будут наверно большевики, всемерно сочувствовали красным и ждали ихого¹⁸ прихода, при перестрелках казаки повсюду стреляли только для демонстрации.

Старшее командование группой, особенно полковник Поляков¹⁹, больше всего наводили дисциплину, требуя отдания чести в тылу; охотно производили репрессии. Это можно отметить на станц. Новосергиев[ка], я лично видел целый обоз на Рождест[во] нагих красноарм[ейцев], привез[енный] башкирцами с Уфимского, видимо, фронта. Бросить нагим какую-либо тряпку никому не допускалось, многих расстреля-

¹⁸ Так в документе.

¹⁹ Поляков Никита Андреевич (02.12.1876 — 13.04.1923). Подробнее см.: Ганин А.В., Семёнов В.Г. Указ. соч. С. 461–462.

ли тут же на стан. Новосергие [вка], а остальные отправлены в гор. Оренбург.

Осуществить приказ Дутову не пришлось, казаки 25 Оренб[ургского] каз[ачьего] полка узнали секрет своевременно, для какой цели отводят на укрепленные позиции, то есть в станицу Донецкую. Хотя делалось Дутовым очень аккуратно, без всякого шума. Отвод в тыл 25 полк сообщалось как на отдых в виду переутомления. 1919 год²⁰. 17 янв[аря] в 12 час. ночи 25 Оренб[ургский] каз[ачий] полк разместился по квартирам, заранее подготовленным местной администрацией, казаки за час или полтора до занятия квартир узнали, для какой цели их отвели в станицу Донецкую; а ещё более убедились, что станица Донецкая в 12 час. ночи была переполнена стариками, казаки по квартирам встали более, чем когда кучно, не думая выбирать, где простор или где есть молодки, всюду поставили строгую самоохрану, в случае, где появятся старич[ки] на квартиру за исключением хозяина никого не пускать, в противном случае немедленно стрелять, чтобы поднять в тревогу остальных, предупредить. Мы не успели зайти в избу, самовар был подан, хозяин узнал, что у него квартирует командир 1^й сотни 25 полк[а], услужливо собирает на стол съестное, дверь отворилась, на пороге появился рослый, представительный старик-станичник, по-военно[му] попросил войти в комнату делегации от стариков. Все трое взошедшие были очень прилично одеты, подпоясаны синими кушаками, вытянулись в струнку, я немедленно стал просить их сесть, по взору ихому я заметил, что они ищут старшего, но определить, видимо, не могут: за столом были два корнета — помещики из центра России; и один подхорунжий в более прилично[й] форме и с упитанной физиономией. Я лично ничем не отличался от казаков. Они, обращаясь к моему младшему офицеру, за каждым словом повторяя Ваше благородие или Ваше высокоблагородие, позвольте узнать, кто командир 1 сотни 25 Оренб[ургского] каз[ачьего] полка, они указали на меня, я с трудом уговорил стариков сесть, они начали возражать мне, что при разговоре с командиром они должны стоять, я, успокоив станичников, спросил их причи-

²⁰ В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

ну позднего посещения. Ответили не враз и с какой-то боязнью — вам, наверно, Ваше высокоблагородие, известно, что в 25 Оренб[ургском] казач[ьем] полку много изменщиков, которых атаман Оренб[ургского] каз[ачьего] войска приказал обезоружить, отобрать коней, вооруж[ение] и снаряжение и вооружиться нам. Мы надеемся, что вы, Ваше высокоблагородие, нам поможете; на помощь нам для обезоруживания прибыли партизаны и 19 полк, а также атаман Дутов шлёт свой дивизион казаков из города Оренб[урга], должны с часу на час прибыть; выслушав станичников, посмотрел на своего подхорунжего Комарова, которого забила лихорадка от такой неожиданности. Я сказал им, я приму все меры, зависящие от меня для обезоруживания, но, думаю, что отобрать винтовки, а особенно собственных коней и снаряжение не так легко, добровольно никто не отдаст, а силой я думаю наш 25 полк едва ли обезоружить возможно; вызванные партизаны и дутовский дивизион и 19 полк едва ли совладают, потому что у наших каз[аков] 25 полка винтовки в большинстве трёхлинейки и в полной исправности и при полном запасе патронов, а у партизан и в 19 полку винтовки Гра системы и в большинстве не стреляют, дело очень риско[во]е, без большой крови обойтись нельзя; старикам, видимо, дана инструкция с расчётом усталые казаки рады до места без охраны будут спать, сонных обезоружить, но случилось наоборот, не только по одному в некоторых больших домах встали по два часовых, а вход в избу не только посторонним старикам, даже некоторые и хозяев в избу до утра не пустили, я объяснил, что вам, почтенные отцы, очень теперь опасно ходить в районе 25 полка, не только взойти в избу обезоруживать; всюду стоят караул[ы] и по первому знаку открывают стрельбу.

Я в присутствии стариков обратился к подхорунжему Комарову — как вы смотрите на это дело, возможно ли обезоружить наш 25 полк, он ответил — не только казаки, я сам, куда буду живой, не отдам из рук никому винтовки, а про коня и говорить не приходится, старики, видимо, очень напугались и стали говорить, что им сказано, что обезоруживание пройдет безо всякого скандала, Комаров обратился ко мне, предложил писать требование на патроны, а в случае необходимости нужно предупредить патронные двуколки, чтобы были

под руками, Комаров до этой минуты был самый преданный дутовец. Старики простились, ушли, часа через 2^{на} один станичник-старик пришёл ко мне со слезами, стал спрашивать, что ему делать, семья большая, сыновья на фронте, скотины много, если уехать, скотина вся пропадёт, взять с собой скотину — дорогой без корму подохнет, или таковые²¹ без гроша свои отберут. Остаться дома наверно красные расстреляют. Я считаюсь здесь самым главным виновником, несколько раз ломал полотно железной дороги, жёг поезда и мосты, делал ключи для отвинчивания гаек от рельсов, и пояснил, что наша Донецкая станица три раза посылала делегацию к красным, что ломать и жечь не будем и нам прощали, а теперь, думаю, не простят. Я присоветовал временно побыть на хуторе, по мере успокоения прийти с повинной о своих деяниях, старик ушёл со слезами. Ночь прошла спокойно, казаки ожидали утром, 18 янв[аря] 1919 г.²² Командир 25 полк[а] уехал на станцию Сырт, где находился командир корпуса генерал Шишкин²³, мне извес[тно], что ждут от Дутова подкрепления и особых инструкций. Казаки 25 пол[ка] чувствовали себя хозяева[ми]. Я предложил казакам 1 сотн[и] собраться на одном дворе и без винтовок, никуда не выходить, обсудить, что они думают делать — сдаваться красным или отступить с казаками, по обсуждении урядники мне доложили, что большинство решили, если будут отступать, то отступят не из боязни красных, а из боязни, что красные власть не удержат, а тогда где бы мы не были, нас найдут и расстреляют как это было по приходе Дутова в Оренб[ург] [в] 1918 г., меньшая часть решила, когда будем отступать через свои станицы, то попрячемся дома. Я получил почту на имя командира 25 каз[ачьего] полка, весьма секретные конверты оставил себе, остальные услал в канцелярию полка, вызвал к себе урядника Козлова Вениамина, которому приказал немедленно ехать по фронту установить связь, где находятся какие части и с кем держат связь, к вечеру 18 янв[аря] 1919 год[а]²⁴ я собрал сводку распо-

²¹ Слово неразборчиво.

²² В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

²³ Шишкин Владимир Николаевич (11.07.1862 — 1920). Подробнее см.: Ганин А.В., Семёнов В.Г. Указ. соч. С. 625–626.

²⁴ В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

ложения казачьих частей, вскрыл секретные конверты, где оказались дутовские приказы командиру корпуса генералу Шишкину, в которых Дутов приказывает Шишкину, во что бы [то] ни встало²⁵ задержать наступление красных на укрепленных позициях в районе станции Сырт и Донецкая станция, дабы выиграть несколько времени в упорных боях; предупреждаю, что от этих боёв зависит всё; через несколько дней на помощь к Вам придут наши добрые союзники — французы и англичане, спешно идут из г. Троицка. Я собрал все документы важнейшего значения, ночью рассчитался со всеми должностными лицами, сделал отчёт, многим написал отпуска домой, а сам с тремя урядниками поехал в разведку. Отъехал от станицы Донецкой версты три, остановились, я объявил им, что я красный командир и был у вас только по необходимости, а службу нёс все время в интересах красных, урядники мне не поверили, сказали [в] один голос, что я их одманываю²⁶, я с уверенностью рассказал всю работу свою, тогда они ответили, что мы немного замечали, но что сейчас уйду к красным, они опять не верят, я рассказал свой взгляд на революцию и надпомнил²⁷ свои переживания от Дутова, они поверили, стали спрашивать, можно ли им ехать со мной, я охотно им предложил, они спросили меня, а красные как бы не расстреляли, я ответил, что скорей красные меня как командира сотни расстреляют, а вас, думаю, не тронут. После долгих споров ехать они со мной отказались из[-з]а боязни, [что] красные расстреляют, я объяснил им, что скоро или нескоро вы всё равно вернётесь к красным, но с большими трудами вам доведётся переходить, потому что вы будете следить друг за дружкой, а тем более вас перемешают с народовольцами²⁸ или еще хуже с офицерами. Я вручил урядник[у] Копытину три конверта [(у меня были за продолжительное время написаны в революци[онном] духе воззвания)], адресованные в разные полки, где описана вся революция с начала и что будет дальше, просил конверт, адресов[анный] 25 полку, вскрыть

²⁵ Так в документе.

²⁶ Так в документе.

²⁷ Так в документе.

²⁸ Имеются в виду солдаты бывшей Народной армии.

по приезде в сотню, из него вы узнаете, что вам делать, остальные передать по назначению адреса, распрощались несколько раз, целование проходило со слезами, я особенно просил доставить по назначению конверт, потому что они стоили большой работы при самых тяжёлых условиях и душевных волнениях, конверты доставить они пообещались, а ехать в сотню одни не едут, говорят, что мы приедем одни, нас сочтут за участников и расстреляют. Я сказал — станичники, невозможное вы с меня не просите, если хотите, то стреляйте в меня, вас трое и не бойтесь, у меня револьвер в кобуре, при желании обороняться я во всяком случае не успею вынуть, ведь у вас винтовки на изготовке, они опять стали просить ехать с ними до станицы, я наотрез им отказал — вы трое и все трусы, у вас здесь не хватает у троих храбрости убить одного, а если я вас доведу до станицы, вы на меня накинетесь и растерзаете на куски, я этого не хочу, стреляйте в меня, куда в ваших руках, а то утром нынче, если красные не расстреляют, я вас бе[з] задержки погоню. Они стали просить, научите, как нам быть, я сказал, если вы убивать меня серьёзно не хотите, то отъезжайте от меня несколько и стреляйте, хотите в меня, хотите вверх и скачите докладывайте командиру полка, что я был с вами в разведке, отъехал несколько вперед и кальером²⁹ ускакал, мы стреляли в него, не попали. Все три урядника Копытин Пётр, Долинин Михаил, Козлов Сергей, все мои посёлочники Бердяши и по сие время живы. Ещё раз поцеловались, я повернул коня и поехал шагом, стреляйте закричал, если хотите в меня; жутко было несколько минут, по спине несколько раз пробежали мурашки, вот ждал выстрела в спину, но слышу они поворотили коней и поскакали к станице, через несколько время раздались несколько выстрелов, но пули полетели в другую сторону, казаки прискакали в сотню, общили, что командир ускакал к красным и поведёт наступление на нас красных, сотня моментом собралась и бросила фронт, уехали по станицам, за сотней последовали полки, с криками домой, по станицам, если бы я знал, что произойдёт это с фронтом, то штаб корпуса можно бы забрать одним взводом, он более половины дня не знал, что на фронте нет ни-

²⁹ Т.е. карьером. Так в документе.

кого, надо думать как штаб корпуса себя считал слабым, казаки на Берде от Сосновина, член[а] Круга, узнали, что я прислал письмо, которое находится в штабе корпуса, ездили обратно на фронт, потребовали выдачи моего письма, им сказали, что Рогожкин, видимо, расстрелян, написано письмо не его рукой, только есть его подпись, письмо казакам прочтено, содержание дальше. По приезде моём в посёлок Переволоцкий, где находился командир 24 Желез[ной] дивизии тов. Павловский, командир бригады Пугачевский и командир Курского полка, а также комиссары бригады и дивизии, тов. Павловский расспросил цель приезда, об состоянии фронта, а также расспросил, в каком виде сообщает контрразведка, предложили остаться при штабе, сообщил, что я им известен, я отказался, предлагали на бронепоезд, особенно звал к себе в полк командир Курского полка, я отказался; пожелал ехать в 212 Московск[ий] полк к тов. Гурскому. Павловскому я передал все секретные бумаги, а также копию пакет[ов], переданных казакам. Особенно его взбесило, откуда эти черти-союзники, мы немедленно выясним, если они есть, им тоже попухнет.

По окончании утреннего чая, тов. Павловский предложил мне написать несколько строк своим казакам, для этого был вызван крестьянин, которому тов. Павловский вручил моё письмо со словами — Смотри, отец, это равноценно твоей жизни. Сейчас же скажи в сторону белых и передай письмо казакам, письмо было мной написано следующего содержания: «Станичники, нынче утром, 19 января 1919 г.³⁰, я прибыл в штаб 24 Железной дивизии, принят гостеприимно, жизнь вне опасности, желающие, следуйте за мной, ваш бывший командир 1^й сот[ни] 25 каз[ачьего] полка Иван Е. Рогожкин, пос. Переволоцк». Мой подлинник оставили у себя, а снятую копию, которую я подписал, послали казакам. Из посёлка Переволоцка в 2 час. дня 19 янв[аря] я поехал в дер. Алексеевку, в штаб 212 Московского полка, где явился тов. Гурскому и зачислился в конную разведку добровольцем. Во время боевых действий я был за командира конной разведки, а на отдыхе я был свободным, мне был даден вестовой, из посёлка Алексеевского нам дан маршрут³¹ на соединение Илецкого

³⁰ В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

³¹ Т.е. маршрут. Так в документе.

фронта через посёл. Зубочистенку, станицу Татищеву и в станицу Городище, в какую я с разъездом взошел вечером 1919 г.³² 20 янв[аря]. На пройденном пути столкновений с казаками не имели, остановились на площади около дома попа, я заметил по большой дороге из Краснохолма по направлению в гор. Оренб[ург] скачет тройка, запряжённая в простые сани, на которых сидят три человека. Бег лошади, красивый и очень сильный, меня привлек, я приказал троим разведчикам воротить их, но догнать было трудновато, они стали стрелять, те ход задержали и привели их ко мне, по физиономии я на одного подумал, что офицер, спросил откуда и куда и кто они, они ответ[или]: Едем из станицы Краснохолмской в гор. Оренбур[г] на заседание Круга, один назвал себя писарем оренбургского штаба и членом оренбургского казачьего Круга по фамилии Нестеренко³³, я предупредил, мы красные, и я из белых офицеров и прошу вас говорить правду, а то будет хуже, я лично думаю, что вы — офицер, он не сознался, в санях у них лежали две большие бомбы и офицерская шашка с аннинским темляком, а также офицерский саквояж (шикарный). Я хотел осматривать документы, но в это время подсказал красный разведчик и сообщил, что по дороге из г. Оренб[урга] идёт конная колонна казаков, а впереди дозоры, я оставил задержанного Нестеренку с несколькими красноармейцами, а сам с разведчиками поскакал навстречу идущей казачьей коннице, при въезде в станицу я встретил дозорных казаков, которые сообщили, что это идут казаки 13го полка с Илецкого фронта сдаваться и подумал и велел сообщить, что никого из них красные не обидят. Казаки, узнав добрые отношения, были очень весёлые и выкрикивали заискивающие словечки, перемешанные сдобно, очень радостно отзывались об красных и очень скверно об своих белых, балагуры шутили вовсю на своих хохлацких выражениях, я предупредил, что винтовки и другое оружие должны сейча[с] же по приезде к дому попа сдать. Все ответили с радостью, хоть сейчас, когда я

³² В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

³³ Нестеренко (Нестеренков) Степан (Стефан) Иванович (14.08.1893 — 23.01.1973). Подробнее см.: Ганин А.В., Семёнов В.Г. Указ. соч. С. 400–401.

оставил Нестеренку у дома попа, через несколько время при-был комиссар полка и стал делать допрос Нестеренке и остальным, в избе у двери и на крыльце стояли часовые-красноармейцы. Смеркалось, я скакал по улице с казаками, от морозу был большой шум, один красноармеец увидел нас, побежал и доложил комиссару, что казаков видимо-невидимо. Комиссар растерялся, выбежал на улицу, а с ним вместе и часовые, а Нестеренко с[о] своими товарищами выбежал на двор, перепрыгнул через заг[о]родь (забор) и скрылись, видимо, на соседних дворах. Комиссар узнал, что казаки приехали сдаваться, поспешил допрашивать Нестеренку, которого уже не оказалось, сделали несколько выстрелов в воздух и на том³⁴ допрос кончился. Один его ученик пришёл и рассказал всё.

Казаки винтовки и другое оружие передали, а лошадей оставили под надзором красноармейцев до утра на отведенных особых дворах. Казакам приказано расходиться по квартирам по своим усмотрениям. Ночь была очень жуткая, всю ночь прибывали казаки сдаваться из разных дутовских частей с Илецкого фронта. К 12 час. ночи казаков сдалось около 1000 чел., кажется, из 14 разных частей, Гурский осторожно спросил меня, не может ли выйти неприятности — нас против их только горсточка, я его успокоил, но всё-таки спать не нужно, и принять строгие меры охраны оружия и лошадей. Принесли саквояж Нестеренко, в котором оказалась офицерская тужурка с погонами войскового старшины (подполковник), заготовленный рапорт атаману Дутову, в кото[ро]м он просил [об] освобождении от должности командира Краснохолмского полка и назначении его командиром партизанского отряда, в каковых он состоял, много другой переписки, были письма от его невесты, а также её карточка, особенно мило-видная и заготовлены ей письма по адресу г. Оренб[ург] Форштадт № не помню, наспротив³⁵ пожарной части. Начиная от блестящей тужурки и других вещей, всё было пропитано духами. Его карточку, снятую, войскового старшины и письма я передал красноармейцам, которые обещали мне доставить по адресу невесте. Ночь прошла спокойно, утром 20 января

³⁴ В документе — на тем.

³⁵ Так в документе.

1919 г.³⁶ я был в почтовом отделе той же стан[ицы] Городищен[ской], вызывал из г. Илецка по прямому проводу начальника Илецкого укреплен[ного] района, чин, фамилию не помню, адр[ес] бы на почте. Я говорил с ним от имени уральского представителя из гор. Оренб[урга], состоящего при атамане Дутове, фамилии не помню, но чин — генерал, вызван в Илецке³⁷ к прямому проводу у начал[ьника] укреп[ленного] района я запросил его — немедленно сообщите, где требуется экстренная помощь, укажите район и в каких силах требуется помощь и какой род оружия. Оказывается, я попал в недоумение, чтобы узнать секрет по прямому проводу, недостаточно знать адрес, чин и фамилию и должность, меня запросили имя, отчество и ещё кой-что, но я ответить не мог, разговор по прямому проводу немедленно прекратился, запросил Оренб[ург] от имени полковника Нагаева с Самарского фронта, но там что-то не добились вызова, видимо, уже удирали, утром часов около 10 час.³⁸ 1919 г.³⁹ 21 янв[аря] выех[ал] в г. Оренб[ург]. Навстречу около Городищенской стан[ицы] нам попался пулемётный взвод в полном составе и вооружении, который находился при 25 полку, при моей 1 сотне. Оказывается, по уезде моём из полка моя сотня тут же ушла домой, а пулемётный взвод вслед за ним[и] прошёл через весь гор. Оренб[ург], никто не спросил, откуда и куда, в городе была большая суета, только на реке Урале часовой остановил, спросил, куда едете, они ответили — на поддержку Илецкого фронта, их безо всякого сопр[отивления] пропустили и, таким образом, они прошли в двух местах фронт, так называемого укрепленного дутовск[ого] района, да и вдобавок прошли чере[з] весь гор. Оренбург, никем не задержаны, это всё доказало, что лозунги и воззвания старик[ов] и Дутова были дутые, а критика фронтовиков справедлива. Не может быть по-моему ничего сильнее и выгоднее, как завладеть умами воинов враждебного фронта, чтобы они сами себя критиковали. В станице Никольской, где меня немного поколотили и под

³⁶ В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

³⁷ В документе — Илецким.

³⁸ Так в документе.

³⁹ В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

конвоем двоих казаков отправил Дутов 1917 год[а] 29 декабря, проходя проездом, полк мимо станиц[ы] Никольской, около правления так же, как и год назад стояла масса казак[ов-]стариков, комиссар полка говорил речь и выкрикивал моё фамилие, ваш народник офицер у нас в рядах. Я подъехал к правлению, приветствовал стариков, надпомнил, сделанную ими мне большую неприятность, просил их не преследовать виновников, пожелал им лучшей жизни. В станице Павловской (казач[ьей]) наш полк, 212 Московс[кий] стр[елковый], станичники встретили с колокольным звоном, на окраину станицы выступили очень много народу, впереди шли старики с хлебом-солью, а за ними стояли шпалерами духовенство из двух церквей с иконами и хоругвями. Мороз был очень сильный, весь народ был без шапок. Ком[андир] полк[а] Гурский спрашивает меня, что нам делать, я предложил скомандовать полку шапки долой и принять хлеб-соль и приветствие от стариков. Ему было немного не по душе, он поляк, а красноармейцы много мадьяр да и русские, большинство презирающие религию и особенно духовенство. Но долг уважения перед сознанием массы его заставил. Он скомандовал: Полк, шапки долой. Принял приветствие от делегации и духовенства, поблагодарил за сознательное отношение населения и просил всемерно поддерживать Красную армию. Скоманд[овал]: Полк, накройсь. Наскоро были выставлены подводы для красноармейцев, некоторые казаки стали предлагать менять валенки, но я запротестовал. Мена прекратилась. Тот же день 26го янв[аря] 1919 год[а]⁴⁰ мы взойшли в гор. Оренб[ург], полк 212 Моск[овский] стр[елковый] разместился в Неплюевском кадетском корпусе, а конная разведка в номерах на Гришковской улице. На утро издан приказ, чтобы поддерживать полный порядок и воззвание к населению. Начальник охраны назнач[ен] тов. Гурский, а комендант гор[ода] тов. Пугачевский, порядок поддерживался образцов[ый]. Красноармейцам воспрещ[алось] без служебных обязан[ностей] ходить по городу с оружием, появляющихся пьяных немедленно кто бы он не был, арестовали, а оружие тут же отбирали. Всякие самочинные обыски, аресты строго воспрещены. Население

⁴⁰ В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

Оренб[урга] очень было радо такому отношению, до прибытия красных душевно весь город переболел из боязни самосудов и бесчинств, но этого не случилось, все население гор. Оренбурга перешло к самостоятельности безболезненно при наилучших условиях.

Заполнял с личного участия и вспоминал Иван Евдоким. Рогожкин

ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 5–11. Рукопись.

Документ 3

Рогожкин И.

Пояснительная записка №1

1. Я родился от казака Бердской станицы Оренбургской волости, уезда и губернии, занимался сельским хозяйством. Образование сельской школы.

2. Действительную службу отбыл в гор. Варшаве 1904–1907 г., во 2-м Оренбургском казач. полку нижним чином.

3. Австро-германскую войну взят с 1914 г. 3-го августа н/с⁴¹ в 14-й Оренбургский казачий полк, где был произведён за боевые отличия в 1914 г. в прапорщики, в 1916 г. в сотника и переведён был в 14 Оренбургскую запасн[ую] отдел[ьную] каз[ачью] сотню, где пробыл до демобилизации.

4. В белой армии был около трёх месяцев в 1918 году командиром 1-й сотни 25 Оренбургского казачьего полка на Самарском фронте.

5. В Красной армии добровольцем с 1919 года с января месяца в 212 Московском стрелковом полку на Самарском фронте в качестве конного разведчика, сделал поход на соединение Самарского и Илецкого фронтов, где принял в одну ночь более тысячи отступающих казаков, первый с конной разведкой вошел в гор. Оренбург. В наступлении в г. Орск я руководил разведкой, всюду был впереди. Писал казакам воззвание о сдаче и гарантировал их безопасность в поселке Нов-

⁴¹ Нового стиля.

Черкасском. 1-й был тяжело ранен, по выздоровлении был командирован в гор. Москву на Центральные агитационные курсы, откуда был командирован в Тамбовскую губернию с народным комиссаром Подбельским по борьбе с контрреволюцией, был уполномоченным в Козловском уезде Ново-Юрьевского района до набега Мамонтова, по прибытии в гор. Оренбург был назначен командиром губернского конского запаса, по сдаче был на 1-[м] Всероссийском казач[ьем] съезде в гор. Москве. Временно был завед[ующим] оружия 1-го Крепостного полка, был библиотекарем при бригаде 23 ОХРА, откуда был командирован на 3 месяца [на] библиотечарские курсы при Оренб[ургском] народ[ном] образе⁴², был председателем следственной комиссии по войскам Кир[гизского] края по больш. браковке лошадей. Производил дознания в городах Оренбурге, Илецкая Защита, Актюбинск, Темир. Служил в Губземотделе, где выдержал испытание на техника по огородничеству, был командирован в коммуну «Пролетарская культура», на 1921 год был откомандирован на завод «Орлес», заведующим по сельскому хозяйству. Состоял⁴³ членом Бердского ревкома и совета. При Керенском был председателем сотенного комитета, 1926 год был выдвиженцем Оренб[ургского] УИКа⁴⁴ на должность председателя уездной зем[ельной] ком[иссии].

6. Политическую работу вёл с 1905 года, в знамен[а]т[ельный] день 17-го октября 1905 года гор. Варшава Саксонская площадь приостановил небывалую резню сигналом «Все, отбой», сигнал был принят как распоряжение высшей власти и бойня прекратилась, на действительной службе в 1905 году вёл агитацию революционных идей в г. Варшаве. Настоящую революцию я в натуре лично с оружием в руках проводил и охранял завоевание октябрьской революции, не останавливался ни перед какими жертвами, не щадил своим здоровьем⁴⁵, привилегиями и материальным положением. В 1917 году не допустил нанести удар сведённой коннице 10 армии на

⁴² Т.е. отделе народного образования.

⁴³ В документе ошибочно — Состав.

⁴⁴ Уездного исполнительного комитета.

⁴⁵ Так в документе.

узловую станцию г. Смоленска, где предполагалось раздавить большевизм. 1918 г. январь дутовскую защиту Оренб[урга] разлагал в нужных местах, вел агитацию фронтовиков, чтобы не защищали Дутова. 11/1-18 г. я подал рапорт о разжаловании меня в рядовые и лишения меня чинов и орденов. На приказ Дутова выехать на фронт станция Сырт для борьбы с большевизмом я отказался, Дутов своим красноречием весьма много мне обещал, даже напоминал, что потомство мое будет пользоваться большим привилегием⁴⁶. Я отказался исполнить приказ, Дутов на моем рапорте наложил резолюцию [:] для пресечения неисполнения боевых приказов расстрелять. Г.Н. Седельников⁴⁷ приказ Дутова в исполнении задержал, а меня в присутствии М. Копытина, Репникова, Бунина предупредил об дутовской резолюции на моем рапорте. На вызов являться не велел.

В 1918 г. первый больш[ой] Круг оренбургского казачества⁴⁸, заседавший в Центральной гостинице, моё дело разбирал. Обвинитель выступал Акулинин⁴⁹. Полковник меня на разбор дела на заседании Круга не допустил, я находился под надзором в кабинете Акулинина⁵⁰ в присутствии полковника Полякова и двух других полковников, неизвестных мне. Явился Акулинин, объявил мне, что Круг меня оправдал, но за отсутствием Акулинина в продолжение 2-х часов меня Поляков всячески оскорбил в измене казачеству, об оскорблении чести офицерства, едко издевался, что власть жидюги⁵¹ Керенского мне вскружила голову, только надо подумать дойти до такого боевому офицеру. Акулинин подал руку и ещё раз напомнил —

⁴⁶ Так в документе.

⁴⁷ Так в документе. Видимо, речь идет о Т.И. Седельникове.

⁴⁸ Мемуарист неточен. Возможно, речь идет о 3-м Чрезвычайном Войсковом Круге Оренбургского казачьего войска, созданном в Оренбурге в сентябре 1918 г.

⁴⁹ Акулинин Иван Григорьевич (12.01.1880 — 26.11.1944). Подробнее см.: Ганин А.В., Семёнов В.Г. Указ. соч. С. 81–84; Ганин А.В. Три жизни генерала Акулинина (Часть 1) // Известия лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. №3 (16). С. 28–54; То же (Часть 2) // Известия лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. №4 (17). С. 97–127.

⁵⁰ Здесь и далее в документе ошибочно — Акулинкин.

⁵¹ В документе — мидюги.

Вас Круг простил. Я очень много хотел говорить с Вами, но не имею время и предложил мне немедленно ликвидировать жидовские⁵² комитеты, где я был председателем Бердской сотни, я ему объяснил, что комитеты распущены в силу приказа. В сентябре 1918 года я был послан с Бердской сотней на Самарский фронт в 25 каз[ачий] полк, где был командиром 1 сотни в продолжение 3-х месяцев на Самарском фронте, меня два раза предавали полевому суду. Первое дело меня обвиняли за срыв всеобщего наступления на станцию Гамалеевка, но генерал Корноухов Н., начальник Самарской группы, виновности моей не усмотрел, второй полевой суд состоялся в дер. Гамалеевке, обвиняли меня в сношении с красными. Моя сотня была в сторожевом охранении в дер. Гамалеевке, стояла на постах, совместно с переодетыми офицерами из народников⁵³ под предлогом связи два казака ходили по постам, агитировали против назначения диктатора Колчака и агитаторов сдаваться красным, а в крайности стрелять вверх. В ту же ночь была задержана женщина, видимо, подпольщица, которая в большинств[е] была при моей квартире, у которой оказались мои двухнедельные секретные слова, женщина была повешена в ту же ночь в дер. Гамалеевка. Офицер, инкогнито находящийся на посту, перепугался, не мог арестовать агитаторов и тут же ушёл с поста к начальнику сторожевого охранения и обо всём доложил, экстренно назначили несколько переодетых офицеров задержать агитаторов, но их нигде не оказалось. На состоящем полевом суду из десяти старших офицеров мне задавали вопросы — вы должны знать, кто были агитаторы, я воспользовался ссылкой на казаков второго отряда⁵⁴, каковых одна сотня была в нашем 25 пол[ку], что же натурализованы ещё в станице большев[иками] братьями Каширинными, на заданный вопрос, как попали секретные слова в руки большевитских агентов, я уверил суд, что были выкрадены и в доказательство показал в полевой книжке донесение о пропаже секретных слов. Несколько офицеров высказались в мою пользу, особенно какой-то казач[ий] есаул, называл себя Благословенного посёлка. Подозрение с меня было снято, я

⁵² В документе — мидовские.

⁵³ Видимо, речь идет о Народной армии.

⁵⁴ Речь идет о 2-м военном округе Оренбургского казачьего войска.

всюду казакам надежным передавал газеты и воззвания под предлогом курительной бумаги, которую я получал из 24 желез[ной] дивизии. На станции Ново-Сергиевка наш 25 пол[к] самовольно отступил, полковник Поляков донёс Дутову, а Дутов не замедлил издать пресловутый приказ отозвать 25 полк, обезоружить и отобрать кон[ское] снаряжение и вооружение и передать старикам. Я случайно первый узнал о приказе от серба Бакича⁵⁵, предупредил казаков, чтобы не отдавали старикам оружия и коней, а сам на Крещение ночью 1919 года⁵⁶ ускакал в штаб 24 дивизии к тов. Павловскому.

Иван. Е. Рогожкин

ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 211. Л. 41–42. Машинопись.

Документ 4

Рогожкин И.

Гражданская война на Орском фронте

Схема расположения войск в момент моего ранения в 1919 г. Примерно около 20 февраля наступал в пос. Ново-Черкасский 1-й в 85 верстах от гор. Оренбурга. Белые ведут наступление из станицы Гирьяльской при наличии двух родов оружия с раннего утра, видимо, по заранее по проработан-

⁵⁵ В документе ошибочно — Батича. Бакич Андрей Степанович (31.12.1878 — 17.06.1922). Подробнее см.: Ганин А.В., Семёнов В.Г. Указ. соч. С. 102–104; Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; *Он же*. «Я Бога молил о том, чтобы скорей тебя увидеть». Последний роман генерала Бакича в документах // Черногорцы в России. Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 239–268; *Он же*. Урянхайский поход Бакича // Родина. 2014. №7. С. 52–58; *Он же*. Црногорац у служби Русије: генерал Бакић. Никшић, 2009; *Он же*. Новые материалы к биографии черногорца на русской службе генерала А.С. Бакича // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Оренбург, 2015. С. 43–47.

⁵⁶ В документе ошибочно 1918 г. Речь идет о событиях 1919 г.

ному плану. С применением фланговых наступлений в обхват, при сильной оружейной и пулеметной подготовке белые заняли хлебные карды вблизи посёлка, на которых была наша застава 3-го батальона Московского полка при трех пулемётах, два пулемёта были уничтожены оружейным огнем, третий пулемёт ранен, красноармеец Селезнёв утащил в овраг, казаки пробежали мимо его, видимо, не заметили, оставших [ся] на заставе раненых, видимо, казаки прикололи в момент занятия казаками нашей заставы. До наших ушей донёсся особенный какой-то неистовый крик, я на лицах у всех заметил какой-то страх, многие в один голос сказали — бляди, раненых прикололи. Комбриг 24-й Желез[ной] дивизии тов. Гурский наблюдал с колокольни пос. Н[ово]-Черкаска, комсостав был ранен в большинстве. По занятии хлебной карды оружейный и пулемётный огонь был перенес [ён] и по окраине деревни подступ для казаков был открыт, занимавшие главные обороны цепь на дороге в большинстве по ранению из строя выбыли, а оставшиеся красноармейцы, видимо, смутились, стали отступать по улице, беспорядок. Я учёл всё обстоятельство печального исхода при занятии казаками деревни, приказал воротить отступающих красноармейцев, а сам спешенную конную разведку повел для защиты входа в посёлок на большой дороге.

Казаки с криками «ура», конные и пешие, перешли в атаку на посёлок Ново-Черкасский. Под моим руководством остатки красноармейцев 3-го бат[альона] и конная разведка Московского полка без патронов бросились в контратаку с криками ура. Примерно в 50 саж. от казаков я был ранен, лишился памяти, очнулся в избе, недалеко от места боя, выходное отверстие⁵⁷ моей раны, сильно текла кровь, повязка и бинт кровь удержать не помогли. Молодая женщина со слезами передала свою белую нательную рубашку, видимо, подвечную, сделав перевязку, отправили меня на перевязочный пункт в посёлок Красногорский, где врач сделал перевязку, тут же отправили в гор. Оренбург. Подводчик вёз меня, казак, Кабаев (старший), в г. Оренбурге был положен в военный госпиталь в комнату с мадярами, прибывшими с Илецкого фронта,

⁵⁷ Т.е. отверстие. Так в документе.

целой партией⁵⁸ для ампутирования⁵⁹ конечностей обмороженных. Отношение мадьяр ко [мне] был чрезмерно хорошее. Каждое утро мне на стол клали по одной папироске, хотя я был некурящий. Не понимая их язык, по внешности видел, что они очень сожалеют моему ранению. Я до сего времени не могу понять, почему каз[аки] отступили при всех выгодах для них. Нас было мало, патронов не было, орудия, снарядов тоже не было, на протяжении 20 саж[еней] по дорог[е] во время контратаки лежали убитые, раненые, больше 50 человек красноармейцев за продолжение 10 минут. Красноармейцы в те минуты проявили себя на редкость героями, увлекали друг друга.

Зам[еститель] команд[ующего] конной разведки 212 Московск[ого] п[олка] Рогожкин

ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 211. Л. 43–43об.

Машинопись.

⁵⁸ В документе — целую партию.

⁵⁹ В документе — агитирования.